

Увидев обиженный вид Цин Яня, Цю Хэнянь почувствовал щемящую боль в сердце. Он обнял его, желая поцеловать, но Цин Янь, прикрывая рот рукой, сказал:

— Надо прополоскать рот.

Цю Хэнянь, сдержанно вздохнув, нежно сжал его подбородок, затем встал с кровати, достал из-под нее тазик с водой и помог Цин Яню прополоскать рот.

Когда все было сделано, Цю Хэнянь взял чистую ткань и аккуратно вытер ему губы. Он внимательно посмотрел на Цин Яня и тихо спросил:

— Теперь можно поцеловать?

Глаза Цин Яня, такие красивые, чуть прищурились. Он кивнул.

Лежа на спине, Цин Янь позволил поцеловать себя, но вскоре мягко оттолкнул Цю Хэняня рукой. Тот, приподнявшись на локтях, с легкой хрипотцой в голосе спросил:

— Не хочешь больше?

Цин Янь покраснел, отвернув лицо.

— Не хочу.

Цю Хэнянь глубоко вздохнул, успокаивая себя, затем спустился с кровати, убрал таз и ткань, погасил лампу и улегся рядом, готовясь ко сну. Он думал, что Цин Янь уже спит, как вдруг тот повернулся на бок и, тихо пробормотав в темноте:

— Потрогай. У меня тут горячо.

— Что? — начал было спрашивать Цю Хэнянь, но Цин Янь, взяв его за мизинец, нежно потянул его руку. Ладонь Цю Хэняня едва заметным движением коснулась теплого и мягкого места. Он мгновенно понял: под его рукой — это самое алое пятно.

Цин Янь еще тише, почти шепотом, добавил:

— Те геры говорили, что в это время легко зачать. Но никто не сказал, что это будет... таким.

Закончить фразу он не смог — смутился. Наклонившись к уху Цю Хэняня, он прошептал остальное. Теплое дыхание обжигало ухо. Слова, которые едва удалось сдержать, вновь пробудили в Цю Хэняне только что усмиренное чувство.

Цин Янь, высказав все, что было на душе, улегся поудобнее и быстро уснул.

Цю Хэнянь же, терзаемый бурей эмоций, остался без сна. Непokoйные мысли не давали ему покоя, зубы сжимались — снова захотелось укунить этого человека.

...

Караван вернулся до Праздника Середины Осени.

Незадолго до этого Цинь Лань провела несколько дней дома, помогая матери привести в порядок дом, наводя чистоту и уют как внутри, так и снаружи.

После недолгой болезни тетя Ли стала говорить меньше, но ее силы начали восстанавливаться. В глазах вновь появился живой блеск, а на лице заиграл здоровый румянец. Цинь Лань, видя, как ее мать постепенно приходит в себя, радовалась этому от всего сердца и еще с большим энтузиазмом хлопотала по дому.

В день, когда Цинь Лянчуань вернулся домой, с утра шел мелкий дождь. Он моросил с самого рассвета и только к сумеркам стих. Цинь Лянчуань вошел во двор дома тети Ли в последние минуты ускользящего дневного света.

Рядом с ним шел Жэнь Сяо. На его лице виднелись следы усталости, но радость от скорой встречи с женой и детьми затмевала все остальное. Выражение Цинь Лянчуаня было одновременно задумчивым и сложным. Остановившись в середине двора, он огляделся вокруг.

Он был худощавым. Серое длинное одеяние висело на нем мешковато, а подол его одежды был испачкан каплями грязи, но он не выглядел неопрятным. Его образ сохранял изящность и утонченность. Лицо с тонкой полоской усов, с едва заметными морщинами у глаз, придавало ему не только зрелости, но и достоинства.

Цинь Лянчуань, замерев на месте, поднял глаза и внимательно оглядел двор и дом. Постепенно в его взгляде зажглась искра воспоминаний. Он медленно произнес:

— Я вспомнил... Это мой дом.

Из дома послышался звук открывающейся двери. Цинь Лань, поддерживая свою мать, вывела ее наружу.

Взгляд Цинь Лянчуаня устремился к ним. Зрачки дрогнули, глаза налились слезами. Он протянул руки и, быстро сделав несколько шагов, подошел к жене и дочери. Он обводил их взглядом то с одной стороны, то с другой, пока слезы не покатались по его щекам. Губы задрожали, и он прерывисто произнес:

— Си Чжэнь... Ланьцзы... Это вы!

Он крепко взял обеих за руки, сдавленно проговорив:

— Я вспомнил все. Все вспомнил!

Тетя Ли тоже пристально разглядывала его. Ее глаза покраснели, и она, сжимая его руку, произнесла:

— Ты похудел... И постарел.

Цинь Лянчуань, улыбаясь сквозь слезы, сказал:

— А ты не изменилась, все такая же, как раньше.

Он перевел взгляд на Цинь Лань:

— Ланьцзы повзрослела. Тогда была еще девчонкой, а теперь уже сама стала матерью.

Цинь Лань закрыла лицо рукой и разрыдалась. Жэнь Сяо подошел, обнял ее за плечи и успокаивал:

— Такой радостный день, не надо плакать.

— Пойдемте в дом, — добавила тетя Ли. — На дворе холодно, дождь только что прошел. Поговорим внутри.

Цинь Лянчуань кивнул:

— Да, в дом, в дом!

Все зашли в дом. Цинь Лань, уже успокоившись, сказала отцу на пороге:

— Папа, посмотри, сколько всего в доме изменилось за эти годы! Мама, узнав, что ты вернешься, привела все в идеальный порядок и приготовила столько вкусного...

Дверь закрылась, и слов больше не было слышно.

В соседнем доме, в комнате, за окном которой был виден двор тети Ли, Цинь Янь и Цю Хэнянь

сидели у окна и пили чай. Шум из двора едва доносился до их ушей, но казался слишком далеким, чтобы отвлечь.

Цин Янь был не в духе. Он поднимал чашку чая, опускал ее обратно и почти не пил. Его взгляд был устремлен вниз, вглубь чашки, словно там мог скрываться ответ на его размышления.

Вдруг у его губ появилась сладость – небольшая конфета. Цин Янь поднял глаза. Цю Хэнянь внимательно смотрел на него и тихо сказал:

— Ты всегда говоришь, что не любишь сладкое, но каждый раз, когда ешь его, глаза у тебя сужаются, и на лице появляется больше улыбок.

Цин Янь услышал эти слова, раскрыл рот и взял конфету. Простейшая, чуть неуклюжая попытка утешить его, неожиданно сработала.

Он улыбнулся краешком губ, опустил взгляд, а затем поймал руку Цю Хэняня, которая еще не успела отстраниться, и приложил свою щеку к его ладони. Он чуть наклонил голову, мягко потеревшись, словно маленький зверек, и снова улыбнулся.

Глаза Цю Хэняня, спокойные, как тихое озеро, наполнились теплом. Он негромко сказал:

— Не переживай, в деревне мало женщин, которые могут жить в одиночестве и вести благополучную жизнь, но тетя Ли сильная. Она сможет найти правильное решение.

Позже вечером, перед возвращением в уезд, Цинь Лань и Жэнь Сяо зашли навестить их.

Жэнь Сяо принес южные угощения, заполнившие несколько больших пакетов. Пока он сидел в передней комнате и разговаривал с Цю Хэнянем, Цинь Лань отправилась в заднюю, чтобы помочь Цин Яню разобрать все подарки.

Цинь Лань бросила быстрый взгляд в сторону соседней комнаты, понизив голос, сказала:

— Когда я уходила, видела, как моя мать перенесла постель для отца в соседнюю комнату. — она опустила глаза, ее губы были напряжены, будто она убеждала саму себя, — Все-таки столько лет прошло, сначала им, наверное, будет трудно привыкнуть друг к другу. Это нормально.

Цин Янь внимательно смотрел на нее. Наконец, не удержавшись, он решился сказать то, что давно держал при себе:

— Сестра Лань, тетя и дядя Цинь еще не старые. У них впереди целая жизнь. Пусть они сами решают, как ее прожить. Ты просто отпусти эту ситуацию.

Эти слова заставили лицо Цинь Лань неоднократно перемениться. Вдруг она разрыдалась, прикрывая лицо руками, и со слезами на глазах начала говорить:

— Ты не понимаешь. Тогда, в канун Нового года, в доме было все, что мы любим втроем. Я была так счастлива. А потом случилось то... Когда я вспоминаю ту окровавленную одежду, у меня до сих пор сердце замирает. В тот Новый год, пока у других все было ярко и радостно, у нас с мамой текли слезы, кухня была холодной, и мы не могли ничего есть.

Она всхлипнула и продолжила:

— А когда я выходила замуж, как мне хотелось поклониться отцу, чтобы он вместе с матерью видел, как меня сажают в свадебный паланкин.

В ее голосе звучала горечь:

— Цин Янь, ты не я. Ты не знаешь, как мне тяжело. Жизнь проживают не только они, я тоже. У них всегда были хорошие отношения. Сейчас им просто нужно время.

Не дождавшись ответа, она быстро вытерла лицо рукавом и сказала:

— Уже поздно, нам пора. Мама просила передать, чтобы ты с Хэнянем завтра пришли к нам на обед.

Она вышла из комнаты, передала те же слова Цю Хэняню, а затем, попрощавшись с ними, села вместе с мужем в повозку. В ночной темноте пара покинула деревню Люси.

<http://bllate.org/book/13590/1205211>